

Юродивый акын

Общая газета,
-1998.-18.24
июль.-с.10

Петр Мамонов как зеркало конца века по-евразийски

В СРЕДНЕЙ АЗИИ были такие певцы – акыны. Ездили они по природе и пели про то, что видели, подыгрывая себе на струнном инструменте дутаре. Сейчас они остались лишь в отдаленных районах да в имперских анекдотах: «Один палка, два струна, я хозяин вся страна».

В еще более средней Азии, в европейской ее части, при каждом крупном храме можно было встретить юродивых. Они, если верить Ивану Семеновичу Козловскому, ходили босиком с цепями поверх серых рубищ и за «копеечку» молились или прочили разные житейско-политические разности – как повесть дающему. О том, как именно влиял высказанный юродивым текст на общий контекст, можно узнать из трагедии Пушкина или одноименной оперы Мусоргского.

Петра Мамонова за прошедшие полтора десятка лет с юродивым не сравнивал только ленивый, равно как и с акыном. Это не значит, что другие крупные фигуры «русского рока» не сочетали в себе черты этих двух в общем-то противоположных персонажей традиционной культуры. Просто, когда в начале перестройки отечественную рок-музыку стали насаждать с телеэкрана, как заморский корноплод при Екатерине, «Звуки Му» вызывали особо интенсивный «обмен мнениями». Помню, батюшка мой, человек в целом передовых взглядов, при виде корчащегося, истекающего слюной Мамонова громко бранил его «выродком» и переключал телевизор на другую программу. Мама, понимая, что человеку, переводящему с нескольких скандинавских языков, по крайней мере есть что сказать – а для этого «формы разные нужны, формы разные важны», – честно вникала в «Серого голубя» и «Люляки баб».

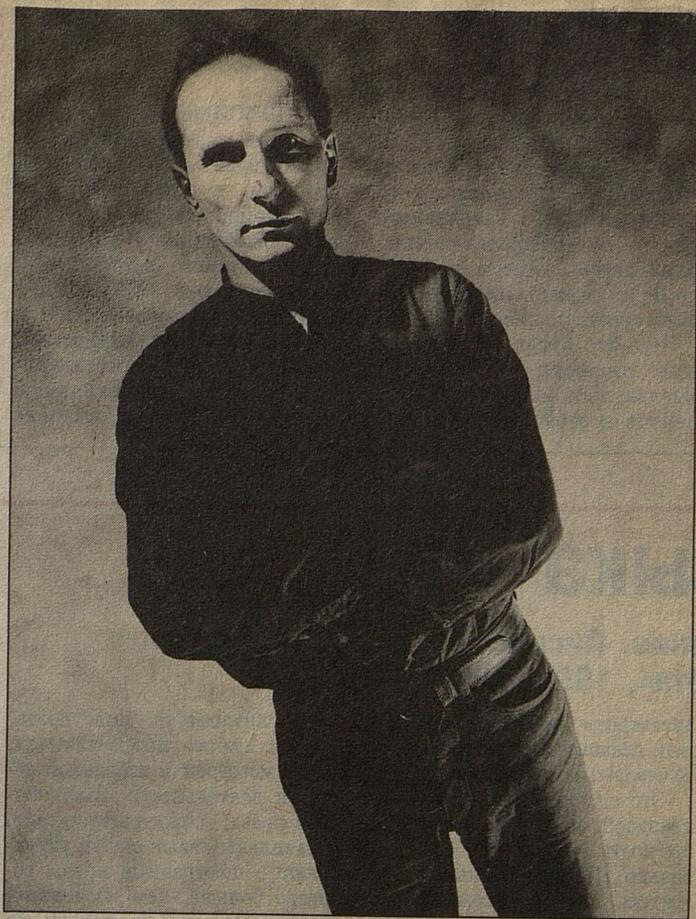
Потом дни телевизионного благоденствия для рок-людей завершились, и дальнейшая информация пошла пунктиром. Вроде бы Питер Гэбриел, известный импортер звукомузыкальной экзотики на Запад, занялся «Звуками Му», но не вышло у двух Петров долговременного сотрудничества. Мамонов снялся с Цоем в фильме «Игла», снялся у Лунгина в

«Такси-блюз», уехал в деревню, иногда дает концерты и пишет диски – вот, пожалуй, и все, что было известно о нем «на поверхности».

Но так получилось, что аудитория российского театра абсурда сформировалась в системе рок-тусовки, причем в те времена, когда само понятие «тусовка» еще не обозначало любое публичное мероприятие. Официальное появление «Звуков Му» в лицедейской ипостаси стало знаком новой перестройки – на этот раз всего лишь в осознании основной культурной оппозиции «высокое – низкое». Мистерия Мамонова «Есть ли жизнь на Марсе?», в Москве наблюдаемая на сцене драматического театра Станиславского, усадила в один зал различные поколения – «семи-десятилетников», «восьмидесятников» и... Как, кстати, определить *нынешних*?

Вкратце дам факты. Спектакль – версия водевиля Чехова «Предложение». Текст Антона Павловича уснащен вставками из Ожегова, Ионеско, Ермилова и Рубинштейна, поставлен наподобие брехтовской «Трехгрошовой оперы» – с песнями-зонгами – и сыгран самим Петром за всех персонажей. Как любой гипертекст – а «Жизнь на Марсе» является именно сценической разновидностью гипертекста, соединяющего, в числе прочего, функции текста и контекста, – спектакль изобилует ссылками и смысловыми ответвлениями. Будучи глубоко русской разновидностью заморской диковины, действие разбрасывает эти ссылки и ответвления за рамки разумного. По этой причине «базовый» Чехов мог быть заменен любым другим автором, от Боборыкина до Сорокина, без ущерба для общей картины. Тут и театр кукол, и образ «лишнего человека», и псевдобуддийские афоризмы, и – куда денешься! – крики «Близок конец двадцатого века!» с незамедлительным переводом на азиатский: «Всё, п...ц!»

А интересно, можно ли другому назвать сложившуюся культурную ситуацию: в храме Мельпомены бок о бок сидят, примерно в равной пропорции, привередливая театральная мо-

Всегда разный

лодежь, регулярные «кому за...дцать и т.д.» мхатовско-таганского воспитания зрители, «кислотные» недоросли и кожного вида дядьки, пускающие по кругу чайник с водочным запахом изнутри, – и внимают унифицированному тексту-контексту, юродивому акыну в одно и то же время?

Ответ – в суждениях тех немногих, кто покинул зал в начале и середине спектакля. Эстетской их части то, что делается «на Марсе», кажется «примитивным»; традиционной – «непонятным»; для субливной девочки с зелеными волосами и в оранжевых штанах Мамонов оказался просто «не в кайф». То, что основная масса первых, вторых и третьих остается при этом на местах и хлопает (орет) как заводная, наводит на мысль, что этим людям, соответственно, «концептуально», «доступно» и «по кайфу». Сомнительно, чтобы Петр пытался кому-то из них угодить: в популярной культуре он – один из редких примеров самодостаточности. Просто наконец-то, хотя бы в среде тех, кто ходит в драмтеатры и на дискотеки, сложилась малая модель равновесия между пресловутыми верхом, серединой и низом. Насколько это благотворно или губительно для культуры в целом – покажет время. Только уже видны родные скифские черты: после оваций благодарные зрители несут актеру не только цветы,

но и водку – и Петр, истощено вопая: «Спасибо, Москва! Спасибо, Москва! Звуки Му!!!» – принимает и то, и другое. Потом одни садятся в «джипы», другие спешат к метро, а третий, из-за которого все собрались, – на пригородную электричку. Действительно, fin du siècle...

А очень далеко от Азии, в Америке, жил Майлз Дэвис, великий джазовый трубач; его Мамонов поминает в финальном зонге спектакля – «Майлз Дэвис, старый лирик». Двадцать с лишним лет краду он вводил в обращение новые стили – от «холодного» джаза до джаз-рока. Потом начал чудить: выходил на сцену, «заводил» своих музыкантов на бесконечный ритм, ставил локоть на синтезатор, почти как Мамонов четверть века спустя, и убирал, ставил – и убирал. Брал трубу и издавал один звук, надолго – как Петр на гитаре сейчас. Любители *настоящего* джаза орали: «Играй как раньше!» – и швыряли в Майлза разные вещи. В конце концов музыкант почти на десять лет ушел со сцены; вернувшись, стал экспериментировать с поп-звуком, мало преуспев в этом и скончался. Те концерты сейчас изданы в серии «Классика джаза», но что до того Дэвиса? Угораздило же беднягу родиться негром, не в свой час... и не на своем континенте.